Дискуссии и обсуждения

ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ И «ВОЗРОЖДЕНИЕ МИРОВОЕ»

В. И. Рутенбург

Сравнительно-исторический метод исследования способствует выяснению общих и специфических черт в экономике, социальной структуре и культуре отдельных стран в определенные эпохи. В этом плане значительный интерес представляет попытка изучения эпохи Возрождения, процесса формирования гуманистической идеологии с учетом взаимовлияния различных национальных культур. За последние два десятилетия появились исследования, отмечающие «стадиальное сходство» в явлениях культуры не только стран Западной и Восточной Европы, но и Запада и Востока в целом. Устанавливаются гуманизм в русской литературе и публицистике XVI—XVII вв., элементы Возрождения на Руси в конце XV — первой половине XVI в., предвозрождение в русском искусстве и литературе XIV—XV вв., Ренессанс в Средней Азии в XV в., грузинский Ренессанс в XI—XIII вв., армянский Ренессанс, Ренессанс в Иране и Индии в IX—XIII вв., арабский Ренессанс в VIII—XII вв., китайский Ренессанс в VIII—XVI вв.[1]. Эталоном для определения содержания и направленности культуры этих стран, как правило, является Италия эпохи Возрождения, так как именно здесь созрели новые социально-экономические условия, приведшие к перелому во всех сферах жизни общества.

При определении содержания эпохи Возрождения обычно обращаются к характеристике Ф. Энгельса, отметившего, что «это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством». Ф. Энгельс имел в виду общеевропейские события, но в первую очередь идеологические и социальные сдвиги в Италии[2]. В советской историографии эта характеристика по отношению к Италии была хронологически уточнена и обоснована на базе исследования

[1] М. П. Алексеев. Явления гуманизма в литературе и публицистике древней Руси (XVI — XVII вв.). «Доклады к VI Международному съезду славистов». М. 1958; С. Я. Лурье. Элементы возрождения на Руси в конце XV — первой половине XVI века. «Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы». М. 1967; Д. С. Лихачев. Предвозрождение на Руси в конце XIV — первой половине XV в.; его же. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. «Доклады к VI Международному съезду славистов»; В. М. Жирмунский. Алишер Навои и проблема Ренессанса в литературах Востока. «Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы»; Ш. И. Нуцубидзе. Руставели и восточный Ренессанс. Тбилиси. 1947; В. К. Чалоян. Армянский Ренессанс. М. 1963; И. С. Брагинский. Иранские миниатюры. М. 1965; И. Джавакишвили. История Грузии. Тбилиси. 1948; И. М. Фильштинский. Арабская классическая литература. М. 1965; Н. И. Конрад. Запад и Восток. М. 1967; его же. Об эпохе Возрождения. «Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы»; его же. Проблема реализма и литературы Востока. «Вопросы литературы», 1957, № 1; его же. Средневосточное Возрождение и Алишер Навои. «Иностранная литература», 1969, № 2; В. И. Семанов. Было ли Возрождение в Китае? «Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы».

[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 346; т. 22, стр. 382.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

источников и изучения литературы. Было установлено, что экономические и социальные сдвиги впервые в истории привели к подрыву феодальных отношений, зарождению капиталистического производства, появлению буржуазии и раннебуржуазной культуры, что Возрождение представляло собой сложный процесс взаимодействия экономических, политических и идеологических явлений, а не только процесс рождения нового искусства.

Обращаясь к характеристике истоков итальянского Возрождения, мы вспоминаем слова Петрарки:

«Юристы забыли Юстиниана, медики — Эскулапа.
Их ошеломили имена Гомера и Виргилия.
Плотники и крестьяне бросили свое дело
И толкуют о музах и Аполлоне».

Шарж, тонкий юмор или реальная действительность выступают перед нами из этой лаконичной характеристики Возрождения, написанной в разгар этой эпохи? И то и другое. И не только это. Здесь даны и истоки его: античность греческая и латинская. Первые носители его — горожане и крестьяне; характерные черты его начальной стадии — народность, универсальность, и прежде всего универсальность гуманитарная, отразившаяся в области искусств, в науке и технике. Конечно, не все плотники и крестьяне бросили свое дело, но вся атмосфера их жизни действительно была проникнута новыми веяниями, охватившими Италию, которая черпала свое вдохновение у Гомера и Виргилия. Именно поэтому сын прачки и трактирщика Кола ди Риенцо становится эрудированным поклонником античности и трибуном Рима, который провозглашается им «главой мира», как это было в древности. А такой пополан Флоренции, как Франко Саккетти, реалистически воспринимающий жизнь, не может не писать и создает бесхитростные, но рельефные и колоритные новеллы, пронизанные атмосферой Возрождения. Это говорит о справедливости слов Петрарки, отмечавшего новый дух и напряженный тонус жизни, охвативший все слои Италии. Античность была для людей Возрождения источником и образцом их творчества и мировоззрения, оправданием их политической деятельности, действенным идеологическим фактором, а не только фоном или строительным материалом. Античность вдохновила их, оказалась близкой и понятной им, хотя их творчество не было и не могло быть повторением греческой и римской литературы и искусства. Реализация политических и творческих замыслов деятелей Возрождения, отталкивавшихся от античности, зависела от условий новой эпохи [3].

Наличие элементов античности в творчестве итальянцев закономерно, но само по себе оно еще не означает появление Возрождения, хотя и свидетельствует о его истоках. «В XI и XII столетиях,— писал один из видных знатоков эпохи Возрождения, Г. Аллеш,— в Италии опять проявляются отдельные импульсы, бывшие не чем иным, как внезапными устремлениями античного духа, которым была насыщена почва в ее глубине» [4]. Он именовал это время подготовительным периодом Возрождения. С этим можно согласиться, но остается нерешенным вопрос о причинах проявления «античного духа» лишь в указанные столетия: почему он не мог проявить себя раньше, что держало его под спудом с VI по XI век? Аллеш считает, что таким фактором был внешний гнет. Однако была ли Италия свободна от него с XI по XIII в., когда проявились первые ростки, а затем, с XIV в., началось пышное цвете-

[3] V. Pratolini. F. Sacchetti e la novellistica fiorentina del Trecento. «Secoli vari». Firenze. 1958; В. Максимовский. Кола ди Риэнцо. М. 1936.
[4] Г. Аллеш. Ренессанс в Италии. М. 1916, стр. 52.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ние культуры Возрождения? Более убедительными представляются поиски причин выявления «античного духа» во внутреннем порядке страны. Один из тонких знатоков итальянского Возрождения, А. К. Дживелегов, говорил о том, что для итальянца этого периода «древний мир был живой легендой... страна была богата памятниками старины, преданиями о былом величии, о господстве далеких предков над всем миром» [5].

Наиболее ярким и крупным носителем этой живой легенды был Данте. Античность в образе Виргилия была путеводной звездой Данте в его странствии по Аду. Виргилия он называл «своим учителем и любимым автором» [6]. В росписях Джотто, ясных и выразительных, чувствуются его античные предшественники; фигуры его фресок концентрируют на себе внимание зрителя с такой же силой, как греческий рельеф, как изображения на античной вазе. Кафедра баптистерия в Пизе показывает, насколько такой скульптор, как Никколо Пизано, был склонен к восприятию античных форм (хотя образцы на пизанском camposanto, бывшие для него идеалом, относились не к лучшим временам римского искусства); его Мария близка к Юноне, а фигура царя подобна античному юноше.

Если в самом начале Возрождения итальянские мастера интуитивно обращались к своим античным предшественникам, то ученые и художники XV в. делали это сознательно, стремясь приспособить сочинения древних к запросам своего времени. Можно, например, напомнить о творческом содружестве математика Луки Пачоли и живописца Пьеро делла Франческа, которые искали секрет пропорций человеческого тела, тонко изученный еще в античности. Это привело их к открытиям в искусстве и в теории. Лука Пачоли изучал и вводил в свой текст советы Витрувия, призывая следовать им. Он считал, что древние дают знания, но нужно обладать талантом, чтобы творчески усваивать античное наследие. Сознательные поиски античных образцов засвидетельствованы и в письме знаменитого архитектора Антонио Филарете к Франческо Сфорца. Леон Баттиста Альберти, которого Мишель справедливо назвал идеальным человеком XV столетия [7], писал в своем трактате о зодчестве, что древние старались подражать природе — лучшей художнице, собирали законы, коими она пользовалась, а поэтому нужно учиться у античных мастеров. Учился у них и Донателло, занимавшийся реставрацией античной скульптуры, восстановивший античную статую Марсия. Выразительные скульптурные портреты Донателло, вроде его пророка Аввакума, прозванного «Тыквой» (Zuccone), исходят по своему характеру из римского портрета.

Эти общеизвестные факты приведены для того, чтобы подчеркнуть значение античного наследия в формировании всего комплекса Возрождения (ярче всего выраженного в искусстве). Кроме того, они показывают, что Возрождение не было простым повторением античности, не было выражением какого-то вечного, присущего итальянцам свойства. Но его появление, как и окончание, связано с определенными историческими условиями развития Италии, которые не могли быть неизменными на протяжении трех веков. Вот почему, несмотря на единый стержень, объединяющий все события культурной, умственной жизни Италии XIV—XVI вв., можно и нужно говорить не только о специфике и месте каждого из этих веков, но и об отдельных периодах, ограниченных десятилетиями. Можно говорить о едином и целом процессе общеитальянского Возрождения, об основных его характерных чертах.

[5] А. К. Дживелегов. Итальянская народная комедия. М. 1954, стр. 17.

[6] «Tu se' lo mio maestro e lo mio autore» (Dante Alighieri. La divina commedia. L'Inferno, canto I, 85).

[7] P. H. Michel. Un idéal humain au XV-e siècle. La pensée de Leon-Baptiste Alberti. P. 1930.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Однако экономическая, политическая, культурно-диалектная дробность Италии требуют специального исследования этого явления во Флоренции, Риме, Венеции, Ферраре, Неаполе. О Неаполе следует сказать особо, как и обо всей Южной Италии. Не случайно первый зафиксированный в литературе рукописный памятник итальянского языка родился в Монтекасино. Именно на юге Италии еще до Данте появилась первая школа итальянской поэзии, в которой наряду с чистым сицилийским диалектом использовались и другие. Известно, как творчество Боккаччо связано с южноитальянским периодом его жизни, не говоря уже о мыслителях и деятелях позднего Возрождения, выросших на юге Италии; достаточно назвать Ванини, Кампанеллу, Джордано Бруно [8]. Поэтому встречающееся в литературе категорическое исключение Южной Италии из сложного и противоречивого процесса Возрождения представляется нам не вполне правомерным. Естественно, характер этого процесса в разных центрах отличался своей окраской. Было ли это Возрождение, говоря условно, буржуазным, как во Флоренции, придворно-аристократическим, как в Неаполе или Ферраре, патрицианским, как в Венеции,— повсюду оно исходило из одного источника. Все очаги его разгорелись под солнцем античной культуры. Это было обращение не только к античной культуре, но и к античному реалистическому мировосприятию. Возрождение и было эпохой, когда человек средних веков был, по словам Ипполита Тена, «сломлен и переплавлен», и появился человек нового времени. Это становление было крайне сложным, а результат его не столь кристально чистым, но в целом переворот произошел. «Наибольшая сила искусства Возрождения была в том, что оно не мечта, а ее реальное воплощение, не столько стремление к лучшему, сколько познание этого лучшего»,— говорил советский художник Юон [9].

Здесь, однако, и возникает центральная проблема: что было причиной, давшей такую силу искусству Возрождения? Античность ли привела к новому миросозерцанию и новому этапу в искусстве, или Возрождение оживило античное искусство? Это не противоречит тому бесспорному положению, что античность являлась источником Возрождения; ибо источник не обязательно главная причина, главный двигатель,— он может играть роль строительного материала, пассивного объекта, используемого под воздействием причин другого порядка. «Отправляясь от этого античного наследия,— справедливо пишет В. Н. Лазарев,— итальянские мастера облегчили себе возможность выйти на широкие пути реалистического искусства. Они начали органически усваивать античное наследие лишь тогда, когда оно стало созвучным их собственным творческим исканиям... Но это ни в какой мере не означает, что обращение к этим памятникам следует трактовать как основную причину проторенессансного движения. В действительности к ним обратились уже после того, как четко оформились новые художественные запросы, вытекавшие из глубоких социальных сдвигов в итальянской коммуне дученто». Интерес к изучению римских построек, саркофагов, статуй, монет, медалей, раннехристианских базилик, фресок, мозаик, не лишенных античных традиций, привел к тому, что античность «сделалась самым существенным фактором в процессе формирования нового реалистического искусства» [10].

Конечно, античность была не единственным источником итальян-

[8] А. Н. Веселовский. Боккаччо, его среда и сверстники. Собрание сочинений. Т. 3. Птгр. 1915; V. Вгапса. Boccacci medievale. Firenze. 1964; А. Х. Горфункель. Джордано Бруно. М. 1965; В. И. Рутенбург. Кампанелла. Л. 1956; его же. Великий итальянский атеист Ванини. М. 1959.

[9] «Правда», 20. II. 1957.

[10] В. Н. Лазарев. Происхождение итальянского Возрождения. Т. 1. М. 1956, стр. 64.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ского искусства эпохи Возрождения, на его формировании сказалось влияние византийских образцов и готики, но воздействие последних не могло быть решающим, хотя и из византийского наследия извлекалась античная подоснова, элементы реализма. Элементы готики начали проникать в Италию со второй половины XII в., но лишь с начала XIII в. это приняло более широкий характер (аббатство в Фоссанова, Сан Гальгано около Сиены, затем собор в Орвието конца XIII в., Санта Кроче и Санта Мария Новелла во Флоренции). Под влиянием романской основы, античных форм «итальянская готика» (если ее можно так назвать) становится рациональной, земной в отличие от готики северофранцузской. Торжествует не готика, а Италия, ее античные традиции. XIV век в лице Симоне Мартини в Сиене, братьев Лоренцетти, авторов «Триумфа смерти» в Пизе, строителей лоджии делла Синьория (лоджия Ланци) и лоджии дворца гвельфов во Флоренции продолжает линию эпохи Джотто, доводя ее до расцвета реалистического искусства в XV веке. Конечно, развитие искусства Возрождения не было и не могло быть плавным, непрерывно восходящим. Здесь не только возможны, но и обязательны как взлеты, так и падения.

Возрождение это не только искусство, философия, наука, это взаимодействие всех факторов эпохи раннего капитализма, в том числе экономических, политических и связанных с ними явлений острой классовой борьбы, без учета которых оно не может быть понято. Речь идет не о механическом признании неких готовых буржуазных отношений, за появлением которых обязательно следует Возрождение, а о происходившем в Италии процессе наиболее раннего ослабления феодальной экономики, дворянского права, феодальной идеологии, процессе крайне противоречивом. «Экономическое положение,— говорил Ф. Энгельс,— это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей...» [11]. В чем можно видеть, пользуясь словами Энгельса, базис Возрождения? Очевидно, в новом экономическом положении Италии XIV—XVI веков, то есть в раннекапиталистических отношениях, которые, как отмечал в «Капитале» К. Маркс, появились там раньше других стран [12]. Создает их такой уровень торговли и банковского дела, который был способен породить мануфактурное производство, пусть на самой ранней ступени его развития. Новые формы эксплуатации обострили классовую борьбу, и бурные сражения магнатов и пополанов заменились боями богатых пополанов с бесправными наемными рабочими, то есть ранней буржуазии с предпролетариатом. К. Маркс называл движение чомпи пролетарским по своему характеру [13].

К. Маркс и Ф. Энгельс дали характеристику Италии на основе исторических исследований XIX века. Многочисленные исследования последующего времени подтвердили и развили эту характеристику. В советской историографии марксистская концепция эпохи Возрождения получила дальнейшее развитие в результате изучения источников, исследований не только наших историков, но и зарубежных.

[11] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 37, стр. 394—395.

[12] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 728.

[13] Цит. по: В. И. Рутенбург. Народные движения в городах Италии. М. 1958, стр. 259.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Более 30 лет назад М. А. Гуковский охарактеризовал Возрождение как сложное явление переломной эпохи, в целом прогрессивное, как в экономической, политической и идеологической сферах, так и в области искусства [14]. Буржуазные истоки итальянского Возрождения исследует и акад. С. Д. Сказкин [15]. Этой же проблеме была посвящена дискуссия советских медиевистов в 1954 году. Большинство ее участников поддерживали тезис о том, что идеология Возрождения была порождением молодой зарождающейся буржуазии, хотя не отрицали наличия в ней рыцарско-дворянской струи и другие моменты. Было признано, что многогранность Возрождения была вполне закономерной в период ломки старых социально-экономических отношений. Высказывалась мысль о том, что гуманизм нужно воспринимать как идеологию не только рождавшегося класса буржуазии, но и народа и дворянских кругов. Противники этой точки зрения подчеркивали, что буржуазия была тогда носителем прогрессивных тенденций, и ее идеология была как бы средней равнодействующей всех прогрессивных элементов того времени [16].

Ранняя буржуазия Италии быстро прошла свой путь от вожака всех пополанов в XIII в. до открытого эксплуататора-мануфактуриста, антипода чомпи в XIV в., творца или прислужника тирании в XV в. и консервативной феодализирующейся верхушки общества в XVI — начале XVII века. В XIII в. это автор первой пополанской конституции — Джано делла Белла, в XIV — банкир и правитель Сальвестро Медичи, в XV — некоронованный монарх Флоренции Лоренцо Великолепный, в XVI — вельможа и историк Гвиччардини. И все же во времена зарождения капиталистических отношений буржуазия была носителем и потребителем ренессансной культуры. Этому не противоречит тот факт, что среди художников и скульпторов было немало представителей народа: достаточно вспомнить сына портного Андреа дель Сарто, его первого учителя простого пополана Джана Бариле, сына бедного крестьянина Андреа дель Доменико Контуччи из Сансовино и многих других. Они были ремесленниками и по профессии, так как труд деятеля искусства далеко не сразу стал свободным и почетным занятием. Но дело не в их социальном происхождении и социальном положении. Они были создателями культуры раннебуржуазной, со всеми ее противоречиями. Культуру Возрождения можно в такой же степени весьма условно назвать буржуазной, как и зарождавшуюся буржуазию итальянских городов XIV—XVI вв. буржуазией.

Характеризуя Возрождение как «величайший прогрессивный переворот», Ф. Энгельс имел в виду общеевропейские события, однако начало им было положено именно в Италии. «Манифест»,— писал Ф. Энгельс в предисловии к итальянскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»,— воздает полную справедливость той революционной роли, которую капитализм сыграл в прошлом. Первой капиталистической нацией была Италия. Конец феодального средневековья, начало современной капиталистической эры отмечены колоссальной фигурой. Это — итальянец Данте, последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени. Теперь, как и в 1300 г., наступает новая историческая эра. Даст ли нам Италия нового Данте, который запечатлеет час рождения этой новой, пролетарской эры?» [17]. В Италии XIV в., хотя и более развитой, чем другие европейские страны, но еще феодальной, только занялась заря капиталистической эры. Именно поэтому в

[14] М. А. Гуковский. К вопросу о сущности так называемого «Итальянского Возрождения». «Академия Наук в память К. Маркса». Сборник. Л. 1933.

[15] С. Д. Сказкин. К вопросу о методологии истории Возрождения и гуманизма. «Средние века». Вып. XI. М. 1958.

[16] М. Л. Абрамсон. Обсуждение проблем истории Возрождения и гуманизма. «Вопросы истории», 1955, № 2, стр. 169—172.

[17] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 389

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Возрождении наряду с элементами народности, демократизма, буржуазности можно обнаружить и элементы дворянского аристократизма. С конца XV в. даже во Флоренции героические идеалы гуманизма сменяются попытками «спасти» Возрождение путем обращения к мистицизму, вере, средневековью. Они отражаются в деятельности Пико делла Мирандолы, Джироламо Савонаролы и самого Лоренцо Великолепного [18]. По отношению к последнему этапу Возрождения, точнее, к определенной группе деятелей гуманизма можно принять формулировку Антонио Грамши о реакционной окраске гуманизма в период феодальной реакции [19].

Рассматривая этот этап Возрождения, нельзя делать вывод о средневековом и реакционном характере его истоков. Но в то же время нельзя и отрицать наличие в нем каких-либо элементов средневековой культуры, как это делает, например, Жюль Мишле, один из авторов концепции Возрождения как эпохи в культурном развитии человечества. По Мишле, Ренессанс—это эпоха общеевропейской культуры, и только. XVI век связан с последующим развитием человеческого миропонимания: гуманизм XVI в. ведет к рационализму XVIII в., а последний — к позитивизму XIX века. Истоки Возрождения Мишле не исследует. По его мнению, Возрождение начинается с ничего и было героическим броском огромной воли. Средние века, в представлении Мишле,— «период полного мрака», «строй нелепый и чудовищный, потрясающий по своей искусственности» [20]. Этот антиисторический подход к эпохе феодализма, истоки которого восходят еще к XVI в., когда итальянские гуманисты считали весь период от античности до себя самих «средним веком», периодом варварства и мрака, впоследствии воспринял и автор вышедшей в 70-х гг. XIX в. широко известной книги о культуре Возрождения Я. Буркхардт, которого обычно рассматривают в качестве основоположника литературы о Возрождении. А. И. Герцен, ценивший Мишле за его смелое и блестящее выступление против возведения средневековья в идеал в XIX столетии, в отличие от него рассматривал и античность и средневековье как закономерные этапы в истории человечества. За средневековьем настала великая эпоха возрождения и перестройки. Однако даже наиболее выдающиеся деятели итальянского Ренессанса, особенно его последнего этапа, когда в Италии наблюдались явления рефеодализации, «люди мощные и сильные, приготовившие пропилеи новой науки», такие, как Джордано Бруно, Ванини, Кардано, Кампанелла, Телезий, были какими-то нитями связаны со средневековьем. «Главный характер этих великих деятелей,— писал Герцен,— состоит в живом, верном чувстве тесноты, неудовлетворенности в замкнутом круге современной им науки, во всепоглощающем стремлении к истине, в каком-то даре провидения ее». В то же время «многих удивляет шаткая непоследовательность их и мужественная воля, неполнота, так сказать, их мысли и полнота самоотвержения; но разве можно сразу отделаться от исторических предрассудков?.. Им трудно было вырвать из груди мнения, освященные веками, трудно примирить их с восходящим светом сознания» [21]. Тем более что XVI и XVII вв. были периодом могучего подъема искусства и смелых выступлений против феодально-католической реакции.

Такие противоречия не случайны, они порождены переломной эпохой, которую переживала Европа, каждая ее страна по-своему и в раз-

---

[18] M. A. Gukovskij. G. Pico della Mirandola: uomo del medioevo o del Rinascimento? L'opera e il pensiero di G. Pico della Mirandola nella storia dell'umanesimo. «Convegno internationale. II Comunicazioni». Firenze. 1965, pp. 457—467.

[19] A. Gramsci. Opere. v. 3. Torino. 1951, p. 38.

[20] J. Michelet. Histoire de France au seizième siècle. Renaissance. Introduction. P. 1885, pp. IV, IX.

[21] А. И. Герцен. Собрание сочинений. Т. III. М. 1954, стр. 227—228, 244—245.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ной степени. Однако главным в этом процессе была антифеодальная направленность, складывание новых, более прогрессивных институтов и идей. Все это выражало существо новой эпохи, породившей раннебуржуазную идеологию, несмотря на господство в целом в Европе феодальных институтов и официального феодального мировоззрения. В Италии антифеодальные настроения проявлялись наиболее ярко и потому могли влиять на формирование новой идеологии в других странах[22]. Элементы феодальной идеологии в Возрождении ни в какой мере не дают права «медиевизировать» всю культуру Возрождения и таким образом фактически отрицать его как «величайший прогрессивный переворот», как это делают многие западноевропейские историки. К. Хэскинс, И. Мейер, В. Штейнен, Г. Вейзе, Д. Бертони объявили XII временем появления Возрождения, основываясь на том, что и в средние века были элементы рационального мышления, светских тенденций, некоторого интереса к природе, к античности. Г. Уолш считает, что эпоха Возрождения не принесла ничего нового в области гуманизма, который якобы присущ всему средневековью. Ч. Мак Айлуэйн полагает, что «Ренессанс XII века — это гораздо более фундаментальный сдвиг, и в большой исторической перспективе он представляется несоизмеримо более значительным явлением, чем позднейший этап развития, обычно обозначаемый термином Ренессанс»[23]. Э. Патцель и Х. Науман усматривали черты Возрождения в эпоху Каролингов и Оттонов[24]. Подобную «медиевизацию» культуры Возрождения английский ученый В. Фергюсон образно назвал «бунтом медиевистов начала XX века» и связывал эти атаки на Ренессанс с уточнением оценки раннего периода средневековья на основе новых данных, полученных медиевистикой[25]. Некоторые сторонники «медиевизации» Возрождения не отрицают наличия ренессансных черт культуры в Италии XIV в., но настаивают на существовании «двух ренессансов» — XII и XIV вв., как это делает, например, названный уже Хэскинс[26]. Автор многочисленных трудов по философии средневековья Э. Жильсон отрицал значение гуманистов в творческой разработке философских идей и проводил прямую линию от Фомы Аквинского до Декарта[27].

Другим полюсом критической мысли является попытка слить Возрождение с Реформацией, элементы которой некоторые представители западноевропейской буржуазной историографии находят в позднем средневековье[28]. Проблеме соотношения Реформации и гуманизма посвящена огромная литература, это особая область, однако безусловным представляется требование о соблюдении крайней осторожности (в целях сохранения исторической истины) при выведении Возрожде-

---

[22] См., например, И. Н. Голенищев-Кутузов. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV — XVI веков. М. 1963.

[23] C. H. Haskins. The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge. 1927; J. Mayer. Die Liturgie und der Geist der Gotik. «Jahrbuch für Liturgiewissenschaft», 1926, S. 69; W. von der Steinen. Die Renaissance des 12. Jahrhunderts. «Bulletin of the International Committee of Historical Sciences». 1933, № 40, pp. 606—609; G. Bertoni. II Rinascimento del secolo XII. Ibid., pp. 605—606; G. Weise. Die geistige Welt der Gotik und ihre Bedeutung für Italien. Halle. 1939; G. Walsh. Medieval Humanism N. Y. 1942; Ch. H. Mcilwain. Medieval Insitutions in the Modern World. «Speculum», 1941 (16), pp. 277—279.

[24] E. Patzel. Die karolingische Renaissance. Wien. 1924; H. Naumann. Karolingische u. ottonische Renaissance. Francfurt. 1926; Один из итальянских писателей — Гверцони — за полвека до них вообще отрицал Возрождение в Италии, считая средневековье более высоким этапом развития культуры. (G. Guerzoni. Il primo Rinascimento. Verona e Padova. 1878).

[25] W. K. Ferguson. The Renaissance in Historical Thought. Cambridge (Mass.). 1948, p. 329.

[26] C. H. Haskins. Op. cit., p. 5.

[27] E. Gilson. R. Decartes. P. 1930; ejusd. Humanisme médiévale et Renaissance. P. 1932.

[28] См, например., K. Burdach. Reformation, Renaissance, Humanismus. B. 1926.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ния из реформационных и еретических течений средневековья или протестантизма из гуманизма. Если Л. Ранке, Э. Готхейнс, К. Бурдах настаивали на неразрывной связи Реформации и Возрождения, то Э. Трельч, а недавно и Э. Гарен пришли к выводу об их антагонистичности [29]. Естественно, это не исключает исследования прогрессивных, гуманистических черт как в явлениях Реформации, так и средневековья. Объявлять несоответствующими средневековью некоторые прогрессивные тенденции в их разных проявлениях характерно лишь для тех, кто схематически рассматривает его как сплошную эпоху невежества и мракобесия. Эпоха феодализма, охватывающая более тысячи лет, не должна восприниматься как неподвижная и неизменная. Новые явления, на которые ссылаются многие из вышеназванных авторов, для XII в. нередко бесспорны и действительно относятся к истокам будущего Возрождения, связаны с ним. Богатый фактический материал об этом дан в книге Ж. Ле Гоффа [30]. Убедительный ответ найден в этом плане и в работах Б. Ульмени и П. Кристеллера. Ульмени, нисколько не умаляя культуру средневековья, не смешивает ее с культурой эпохи Возрождения. Кристеллер приходит к выводу, что наследие античности не прошло мимо средневековья, но в полной мере было воспринято в эпоху Возрождения [31] в соответствии с новыми условиями.

Если представляется неубедительным смещать плоскости и стирать грани между средними веками и Возрождением, то еще меньше оснований объявлять Возрождение насквозь религиозным, а человека этой эпохи — толкователем деяний бога, стремящимся уподобиться ему с помощью художественного творчества и науки, как это делают во многих своих работах Джованни Папини или Джузеппе Тофанин. У последнего, например, гуманизм, христианство и контрреформация представляются единой линией, да и сам гуманизм начинается у него с Августина Блаженного [32]. Не отрицая, что Возрождение не обходит религиозных проблем [33] (следует учитывать, что его мыслители и художники подвергли их новому осмыслению, вплоть до атеистического), мы не можем согласиться с «христианизацией» Возрождения в целом, так как такой подход лишает его одной из присущих ему сторон. Во многих трудах западных ученых, вышедших в последние годы, дается интересная и реалистическая оценка Возрождения. В первую очередь среди этих авторов следует назвать Э. Гарена, Дж. Саитта, Г. Барона, П. Кристеллера, А. Сапори, Э. Пановски [34]. О сложности и противоречивости такого явления, как религиозность в эпоху Возрождения, следует привести мнение одного из видных прогрессивных историков Италии, Армандо Сапори, который, исходя из мировоззрения крупных мыслителей, считал, что в ту эпоху общество было пронизано светским духом, религиозное чувство не являлось существенным, но нельзя сказать об исчезновении

---

[29] E. Troeltsch. Aufsätze zur Geistgeschichte und Religionssoziologie. Tübingen. 1925; E. Garin. Il Rinascimento italiano. Milano. 1949.

[30] J. Le Goff. Les intellectuels au Moyen age. P. 1960.

[31] B. L. Ullmany. Studies in the Italian Renaissance. R. 1955; P. O. Kristeller. The Peace of Classical Humanism in Renaissance Thought. «Journal of the History of Ideas», 1943, № 1, p. 61.

[32] В. Н. Лазарев. Проблема Ренессанса и ее фальсификация в буржуазной науке эпохи империализма. «Известия» Академии наук Армянской ССР. Общественные науки. 1951, № 4.

[33] Об этом см. C. Angeleri. Il problema religioso del Rinascimento. Firenze. 1952; В. Рутенбург. Лоренцо Валла и его время. В кн.: А. И. Хоментовский. Лоренцо Валла — великий итальянский гуманист. М.-Л. 1964, стр. 9—15.

[34] E. Garin. Op. cit.; G. Saitta. Il pensiero italiano nell'umanesivo e nel rinascimento. Bologna. 1949—1951; H. Baron. The Crisis of the Early Italian Renaissance. Vol. 1—2. Princeton. 1955; P. O. Kristeller. Studies in Renaissance Thought and Letters. P. 1956; A. Sapori. La Renaissance: son esprit et ses limites chronologiques. «Recueil des travaux de la Faculté de Philosophie». T. VI. Beograd. 1962; E. Panowsky. Renaissance and Renaissances in Western Art. Vol. 1—2. Stockholm. 1960.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

религиозности в массах[35]. В подтверждение того, что светское начало было присуще не только трудам философов, достаточно привести один весьма колоритный пример. Итальянский купец XIV в. Марко Датини из городка Прато говорил: «Человек опасная штука, когда с ним имеешь дело, но все же я больше уповаю в этом мире на людей, чем на бога, и этот мир хорошо платит мне за это»[36]. Такова философия «среднего итальянца» эпохи Возрождения, не лишенного внешней религиозности. Итак, религия как объект сомнений, размышлений, критики, изображения — один из противоречивых источников Возрождения, не решающий, но требующий особого внимания. Религия является наследием средневековья.

Возрождение связано со средневековьем, но вырастает, как правило, из его прогрессивных проявлений, в борьбе с консервативными и даже реакционными сторонами, поэтому средневековье и не может быть основным его источником. Несмотря на достаточную очевидность этого положения, среди некоторой части историков и искусствоведов существует иная точка зрения. Истоками Возрождения признается «ремесленная среда», то есть именно средневековая социальная прослойка. Так, в интересной по своим материалам работе В. С. Кеменова говорится, что «экономическую основу эпохи Возрождения составляли освобождение крестьян от крепостной зависимости и расцвет мелкого производства, в котором ремесленник владеет средствами своего труда»[37]. В условиях Италии освобождение крестьян городами, как это было, например, в Болонье XIII в. с ее знаменитым «Райским актом», было, безусловно, прогрессивным явлением и одной из предпосылок созревания условий для мануфактурного производства. Однако известно, что за освобождением крестьян в Италии XIII в. или во Франции XV в. непосредственно Возрождения не последовало, а «расцвет мелкого производства» в разной степени был свойствен всем странам Европы на протяжении XI—XV вв., а в некоторых странах и в последующие столетия. Это вполне естественно, так как «расцвет мелкого производства» равнозначен расцвету цехового ремесла, представляющего собой типично феодальную организацию, которая сама по себе нигде не породила культуры Возрождения. В Италии период Возрождения был временем перерождения цеховой системы и становления мануфактуры. В. С. Кеменов справедливо пишет, что это еще «нельзя считать капиталистическим строем», что «экономическая основа Возрождения имела переходный характер между феодализмом и капитализмом»[38]. Это все верно, но, на наш взгляд, не имеет никакого отношения к средневековому цеховому производству. Переходный характер носили именно раннекапиталистические отношения с их новыми формами эксплуатации человека, отличными от феодальных, с поисками дешевого заморского сырья и выгодных рынков, с новыми техническими условиями организации труда, все это было связано с необходимостью реалистического познания природы и человека. В. С. Кеменов считает, что капиталистическое производство «не может быть причиной, обусловившей расцвет искусства в эпоху Ренессанса»[39]. В. С. Кеменов пытается опереться в данном случае на К. Маркса, но не учитывает при этом, что характеристика исторической роли буржуазии у К. Маркса относится к тем странам, где буржуазия «достигла господства»[40], то есть имеет отношение к XIX в., а не к периоду нарождающегося капитализма. Неправомерно

[35] A. Saporі. Op. cit., p. 12.

[36] См. В. И. Рутенбург. Три книги о Датини. «Средние века». Вып. 27. М. 1965, стр. 240.

[37] В. С. Кеменов. Художественное наследие Леонардо да Винчи. «Вопросы философии», 1952, № 3, стр. 80.

[38] Там же.

[39] Там же.

[40] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 426.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

сравнивать эпоху «Установлений справедливости», фактически лишавших феодалов политических прав, с эпохой «Коммунистического Манифеста».

По этому поводу следует учесть разъяснение В. И. Ленина: «Мы» часто сбиваемся все еще на рассуждение: «капитализм есть зло, социализм есть благо». Но это рассуждение неправильно, ибо забывает всю совокупность наличных общественно-экономических укладов, выхватывая только два из них. Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству»[41]. Итальянский ранний капитализм и является таким «благом», то есть рычагом прогресса, истоком Возрождения, тормозом для которого являлось средневековье, мелкое производство[42]. Раннекапиталистические отношения возникли в развитых городах Италии именно в условиях разложения цеховой промышленности. Благодаря античным традициям в области языка и литературы, техники, некоторых политических форм управления итальянские города окрепли раньше, чем в других странах Европы. Этому способствовали также сотни городских центров, сохранившихся еще с римской эпохи, хотя бы в виде материального костяка городского поселения: каменных домов, мощеных улиц, защитных укреплений. На территории в 300 тыс. кв. км одних епископских центров было 278. Отделение ремесла от сельского хозяйства, лежащее в основе развития городов как новых экономических центров средневековья, произошло в Италии в IX—X вв., то есть значительно раньше, чем в других европейских странах. К этому времени началась борьба городов за независимость от феодальных сеньоров, а уже в XI—XII вв. образуются коммуны. Оттон Фрейзингенский писал, что «итальянцы управляются консулами, а не господами» и поэтому «намного превосходят другие государства богатствами и могуществом»[43]. Коммуны способствовали не только политической, но и экономической независимости горожан, что давало возможность увеличивать средства для развития ремесла и торговли. Победа североитальянских городов над феодальными полчищами Фридриха Барбароссы после 20-летней напряженной борьбы свидетельствовала о силе этих городов, а ее результатом явился высокий уровень развития экономики и культуры. Небывалое развитие итальянских городов дало А. Сапори повод назвать XII—XIV вв. эпохой становления «экономического Возрождения», а XV—XVI вв.— периодом дальнейшего его развития[44]. В отличие от других стран Европы к концу XIII в. феодализм в Италии был значительно подорван благодаря бурному развитию товарно-денежных отношений. Он был, по выражению К. Маркса, «сломлен исключительным развитием городов»[45]. Это и привело к раннекапиталистическим отношениям и Возрождению. Поэтому истоки Возрождения закономерно вытекают из самой специфики всего исторического развития Италии, главными путевыми вехами которого являются: античность — город — мануфактура — Возрождение.

Таким образом, итальянское Возрождение представляет собой крайне сложный, однако совершенно конкретный, исторически обусловленный процесс, затрагивающий все стороны развития общества. При всей

---

[41] В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 229.

[42] В. И. Рутенбург. Об истоках Возрождения в связи с творчеством Леонардо да Винчи. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета, 1956, № 192.

[43] «Scriptores Rerum Germanicarum». Hannoverae. 1889, p. 93; см. также E. Sestan. La citta comunale italiana dei secoli XI—XIII nelle sue note caratteristiche rispetto al movimento comunale europeo. XI-e Congrès International des Sciences Historiques Rapports, III, Mouen Age. Goteborg — Stockholm — Uppsala. 1960, pp. 75—95.

[44] A. Sapori. Il Rinascimento economico. Milano. 1955; В. И. Рутенбург. Новые работы Армандо Сапори. «Средние века». Вып. IX. М. 1958, стр. 162—165.

[45] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 365.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

его специфике он не является абсолютным исключением, свойственным только Италии: в своих основах он наблюдается и в других странах Западной Европы в период разложения феодализма и укрепления капиталистического уклада. Процесс Возрождения в других странах происходил не без влияния итальянского, как наиболее раннего и четко выраженного. Это имеет отношение как к странам Западной, так и Восточной Европы [46]. Однако правомерно ли утверждать обязательность процесса Возрождения в любой стране?

Для ответа на такой вопрос необходимо обратиться к конкретным примерам, сопоставив их с известными явлениями европейского Возрождения. Это сравнение может провести исследователь, владеющий материалами как западной, так и восточной истории, при разработке проблемы единства мировой культуры и исторического процесса в целом. От этой генеральной проблемы путь ведет к относительно ограниченному, конкретно-историческому явлению, именуемому Возрождением. В настоящей статье можно высказать лишь некоторые соображения, подлежащие обсуждению специалистов. Только творческое содружество широкого круга исследователей может способствовать разъяснению и уточнению вопроса о месте и сущности Возрождения.

Отталкиваясь от принципиально верной посылки о единстве мирового исторического процесса, востоковеды пришли к смелому выводу о том, что вопрос об эпохе Возрождения является вопросом мировой истории. Речь идет не о мировом значении Возрождения, что не вызывает никаких сомнений, но о Ренессансе как явлении мировой истории: «Можно думать, что этап, названный в истории Италии «экономическим Возрождением», является принадлежностью не только истории Италии, но истории всякого народа, обладающего длительным, непрерывным развитием, богатым культурным содержанием исторической жизни, что это общая историческая закономерность». Устанавливаются также и истоки этого явления, именуемого в целом «мировой литературой гуманизма». Указывается, что «начинает эту эпоху в VIII—IX вв. Китай, продолжают в IX—XV вв. Средняя Азия, Иран и Индия; заканчивает в XIV—XVI вв. Европа» [47]. Что же является мерилом этого грандиозного, всеобъемлющего в хронологическом и географическом смысле явления? «Наличие гуманизма»,— отвечает акад. Н. И. Конрад. Однако он же справедливо подчеркивает, что содержание гуманизма «исторически было различным» [48]. Надо полагать, различными по своему содержанию были и такие исторические периоды, как эпохи «китайского гуманизма» VIII—IX вв., «среднеазиатского и ирано-индийского гуманизма» IX—XV вв., европейского «гуманизма» XIV—XVI веков. Интерес к человеку и вера в его силу совершенно по-разному формулировались, воспринимались и реализовались в разные эпохи и в разных странах мира и не могут сами по себе служить критерием для выявления наличия или отсутствия Возрождения. Вопреки этому, ссылаясь на наличие в китайской литературе элементов рационализма, гуманизма, лирической поэзии в VIII—XIII вв., акад. Н. И. Конрад утверждает, что эта «эпоха имеет также все права называться «Возрождением» в том же большом историческом смысле», что и эпоха Возрождения в Италии [49].

Возникает закономерный вопрос: насколько Китай VIII—IX вв. нуждается в отстаивании «прав» на возрожденческий титул, и при всей целесообразности применения сравнительно-исторического метода ис-

[46] По отношению к последним это показано в названном выше исследовании И. Н. Голенищева-Кутузова.

[47] Н. И. Конрад. Послесловие к кн. В. К. Чалоян. Армянский Ренессанс, стр. 163, его же. Проблема реализма и литературы Востока, стр. 72.

[48] Н. И. Конрад. Об эпохе Возрождения, стр. 34.

[49] Там же, стр. 20—24.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

следования следует ли искать прямого соответствия Китая VIII—IX вв. и Италии XIV—XVI веков? Останавливаясь на этом вопросе, авторы рецензии на книгу акад. Н. И. Конрада «Запад и Восток» отметили уникальную роль европейского Возрождения, а главное, «контраст между тем, к чему привело Возрождение в Европе и в Китае»; в Европе оно привело к бурному росту науки и техники, к прогрессу, к переходу от средневековья к новому времени, а в Китае к стагнации [50]. Сложное и интересное явление, наблюдаемое в Китае в VIII в., который, по определению акад. Н. И. Конрада, был «временем кризиса экономических, социальных и политических форм феодализма» [51], и вызванное им стремление к возрождению гуманистических идей классической китайской древности вполне закономерно может быть сопоставлено с Италией XIV в., но не для доказательства «прав» на полную аналогию, а для установления и уточнения специфики, своеобразия явлений VIII века. Эти явления могут быть в рамках своей эпохи (VIII—IX вв.) богаче и и значительнее тех процессов, которые происходят в других странах и в другие эпохи, но не могут быть такими же. Поэтому попытка поставить знак равенства между «китайским случаем» и «итальянским случаем» [52] и рассмотрение их как единого по содержанию процесса Возрождения не способствуют выявлению исторической специфики различных эпох и стран. Применение к явлениям, различным по содержанию, форме и времени, единого термина «Возрождение» делает его внеисторичным и поэтому беспредметным. К тому же, как об этом уже писалось на страницах «Вопросов истории», «наличие на Востоке такого же культурного, экономического, социального и политического перелома, каким было Возрождение на Западе, никто еще не доказал» [53]. Это положение сохраняет силу и по сегодняшний день. Некоторые авторы предлагают изменить трактовку смысла и сущности эпохи Возрождения, выбросив из этого понятия главное, революционное содержание — «величайший прогрессивный переворот». «А почему Ренессанс обязательно должен быть «переломом» (т. е. чем-то чрезвычайно радикальным и кратковременным), а не целой эпохой, несущей для общества медленные, но очень важные качественные изменения?» — ставит вопрос В. И. Семанов [54]. Но ведь целая социально-экономическая формация тоже медленно ведет общество к качественным изменениям? Можно ли ее поэтому также именовать Возрождением? Радикальность итальянского, и европейского в целом, Возрождения является главной и обязательной его чертой, что же касается кратковременности, то она весьма относительна: итальянский Ренессанс длился более трех веков. В то же время трудно представить себе переломную эпоху Ренессанса, которая охватывает почти целое тысячелетие, а то и более, так как некоторые исследователи начинают историю китайского Возрождения от династии Хань, то есть со II в. до н. э.

Идея восточного Ренессанса не нова, она появилась уже в конце XIX в., но и сегодня «окончательные решения по такому спорному вопросу», как считают сами востоковеды, являются «преждевременными» [55]. Это не противоречит продолжению конкретных исследований истории культуры восточных стран, особенно если ее не пытаются одеть в европейские одежды и уложить в прокрустово ложе классического Возрождения. Так, например, в работе В. И. Семанова закономерно прово-

---

[50] А. В. Гулыга, В. А. Рубин. Размышления о всемирной истории. «Вопросы философии», 1967, № 3.

[51] Н. И. Конрад. Запад и Восток, стр. 152.

[52] Н. И. Конрад. Об эпохе Возрождения, стр. 11—12.

[53] О. Л. Вайнштейн, Б. А. Чагин. Рецензия на сборник «Из истории социально-политических идей». «Вопросы истории», 1957, №2, стр. 176.

[54] В. И. Семанов. Указ. соч., стр. 473.

[55] Там же, стр. 472.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

дятся интересные параллели в области китайской и европейской драматургии и романа XIV—XVI вв., однако недостаточно убедительно сравниваются эти области литературного творчества в Китае за огромный период (VIII—XVI вв.) с их развитием в Германии и Испании эпохи Ренессанса [56]. Ограниченность и непоследовательность китайского и немецкого гуманизма сближают их, но характер ограниченности гуманизма в Германии XV—XVI вв. специфичен и неповторим. Расцвет романа и драмы в Испании и в Китае (XIII—XVI вв.) и незначительное развитие поэзии не могут считаться характерной чертой всего Возрождения. Отсутствие прогрессивного элемента в испанском абсолютизме, имеющем «лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы», позволяет его отнести «к азиатским формам правления» [57], сближает его с Китаем. Однако использование этого сравнения востоковедами [58] является скорее контраргументом по отношению к их теории «китайского Возрождения» и лишь подтверждает отсутствие в Китае социальных и политических условий, типичных для процесса Возрождения как прогрессивного процесса развития общества и его культуры, так как элементы Возрождения в литературе Испании проявлялись не благодаря, а вопреки «азиатской форме» испанского абсолютизма. Все эти сравнения в конечном итоге естественно приводят В. И. Семанова к заключению, которое, очевидно, и соответствует сегодняшнему состоянию изучения проблемы китайского и вообще восточного Возрождения: «Сомневаясь, что на Востоке происходило настоящее Возрождение, я уверен, что там были значительные элементы Возрождения или ренессансные тенденции» [59].

Обратимся к среднеазиатскому региону, который, по теории Н. И. Конрада, продолжает эстафету возрожденческого духа с Востока на Запад. Исследователи проблемы среднеазиатского Ренессанса совершенно справедливо считают, что «эпоха Возрождения — время начала распада феодальных отношений, зарождения внутри зрелого феодального общества новых тенденций буржуазного развития» [60]. В отличие от китаеведов, исследующих некоторые внешние сходства с европейской обстановкой и чертами эпохи Возрождения, они отмечают, что «Средняя Азия в XV в., при Тимуридах, достигла развития производственных и общественных отношений, очень близко соответствующих эпохе раннего Возрождения в Италии (XIV в.— первая половина XV в.)», и что «Алишер Навои своей творческой многогранностью напоминает тех титанов эпохи Возрождения, о которых говорит Энгельс». Средняя Азия рассматривается ими как территория «самого передового по своему социально-экономическому развитию участка Переднего и Среднего Востока», который подошел «вплотную к тому, что мы называем «первоначальным капиталистическим накоплением» [61]. Ни в цитируемом исследовании, ни в других работах не приводятся конкретные данные, подтверждающие столь далеко идущие обобщения, поэтому мы вправе усомниться в наличии такого высокого уровня развития среднеазиатского общества XV века. Монументальное городское строительство, покровительство ремеслам и торговле, производство оросительных работ в земледельческих оазисах характерны для государств не только феодальной эпохи, но и дофеодальной. Очевидно, интересные параллели, проводимые между Востоком и Италией, древнеузбекской литературой и литературой европейского Возрождения, Алишером Навои и Леонардо да Винчи, должны найти объяснение не в абстрактно-социологиче-

[56] Там же, стр. 498—501.
[57] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 432.
[58] В. И. Семанов. Указ. соч., стр. 499.
[59] Там же, стр. 472.
[60] В. М. Жирмунский. Указ. соч.
[61] Там же, стр. 462, 464.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ских формулах об общности условий и уровня развития Италии и Средней Азии XV в., а в исследовании специфических истоков высокого уровня среднеазиатской культуры.

При исследовании ренессансных явлений в Грузии и Армении, культура которых имеет весьма древние истоки, следует четко отличать ренессансную культуру от позднефеодальной городской культуры средневековья, в которой можно найти элементы реализма, антиклерикализма и античности. Прав В. М. Жирмунский, считающий, что грузинскую литературу XI—XII вв. нельзя относить к ренессансной: «Это явление периода развитого феодального общества нельзя отождествлять с Ренессансом ни по его социальной природе, ни по идейному содержанию»[62]. Вызывает сомнение и та характеристика, которая дана обстановке и литературе Армении этого же периода как ренессансным, а не позднесредневековым[63]. Бесспорным является наличие восточных влияний в западной культуре, в том числе и культуре Возрождения: даже классическая страна Возрождения — Италия, будучи одной из стран Средиземноморья, естественно, не могла быть изолирована от Леванта и связанных с ним стран. Но масштаб и конкретные формы этих взаимосвязей необходимо определять сугубо исторично, с учетом прежде всего внутренних истоков каждого явления, а не только по линии внешних заимствований или филиации идей, что тоже не лишено основания. Поэтому «восточные корни западного Ренессанса», исследуемые в работе Ш. И. Нуцубидзе[64], вряд ли могут рассматриваться в качестве существенного источника европейского Ренессанса.

Соотношение местных национальных условий и непосредственных или косвенных влияний культуры других стран глубоко изучено и убедительно показано в названном уже исследовании И. Н. Голенищева-Кутузова по отношению к Италии и славянским странам Европы. Большой интерес представляют и сравнительные исследования историков русской литературы, которые изучают явления гуманизма и ренессансные тенденции в древнерусской культуре и литературе[65]. Благоприятными условиями для развития предвозрожденческих явлений Д. С. Лихачев считает экономическое возрождение русских городов, национальный подъем в связи с победой над татарами, а также усиленное культурное общение с южнославянскими странами и с Византией. Последнее, бесспорно, оказывало влияние на русскую культуру и литературу[66], и вопрос о предвозрожденческих элементах в них зависит от характера культуры южнославянских стран и византийского общества времен Палеологов. Социально-экономические условия России конца XIV в.— первой половины XV в. представляются нам типичными для складывания средневековой городской, а не возрожденческой культуры. Я. С. Лурье находит на Руси конца XV в. некоторые элементы ренессансной культуры[67]. В его работе приводятся данные о наличии и использовании в России этого периода фрагментов античной и средневековой философии, что, как известно, само по себе не представляет собой процесса Возрождения. Питательной средой Возрождения автор считает город, который, как уже сказано выше, не обязательно порождает культуру Возрождения, но является лоном и источником городской культуры средневековья.

---

[62] Там же, стр. 461.
[63] В. К. Чалоян. Указ соч.
[64] Ш. И. Нуцубидзе. Указ соч.
[65] М. П. Алексеев. Указ соч.; Д. С. Лихачев. Предвозрождение на Руси в конце XIV — первой половине XV в.; С. Я. Лурье. Указ. соч.; А. И. Клибанов. У истоков русской гуманистической мысли. «Вестник истории мировой культуры», № 2, 1958, и другие.
[66] Д. С. Лихачев. Предвозрождение на Руси в конце XIV — первой половине XV в., стр. 138—139; его же. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России.
[67] Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 183.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

«Элементы Возрождения, которые намечаются в конце предыдущего века, в XVI в. почти совсем исчезают»,— признает сам Я. С. Лурье[68]. Однако и только намечающиеся в конце XV в. «элементы Возрождения» лишь внешне напоминают ренессансные идеи и мотивы Италии: сравнения у Я. С. Лурье «Повести о Петре и Февронии Муромских» с новеллами «Декамерона» Боккаччо, автора «Написания о грамоте» с Леонардо Бруни Аретино, как и Афанасия Никитина с итальянскими гуманистами у А. И. Клибанова, малоубедительны[69]. Русская культура и литература достаточно богаты по своей форме и по содержанию независимо от наличия или отсутствия в них элементов Возрождения или предвозрождения.

Усилившиеся в последнее время попытки энергичных поисков Возрождения в культуре и литературе, а иногда и в экономике и политике разных стран и целых регионов мира в разные эпохи полезны как сравнительно-исторические исследования, уточняющие характер и направленность их развития. Однако рассмотрение Возрождения как титула, дающего право на высокую оценку культуры той или иной страны, далеко от научного подхода. Выступая за дальнейшее углубление и расширение изучения проблемы Возрождения, мы считаем обязательным при этом выполнение элементарного, но непреложного требования — историчности исследований.

★

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ